

**«Религиозный туризм» и «религиозное паломничество»:  
сравнительно-сопоставительный аспект**

Изучение вопроса о соотношении понятий «религиозный туризм» и «религиозное паломничество» имеет большое теоретическое значение, прежде всего, в свете разработки и планирования культурологических моделей развития данной сферы бизнеса. Понятие «религиозного туризма», принятое преимущественно в западной литературе (особенно среди ученых из стран, чьи судьбы оказались исторически связаны с протестантизмом), призвано, на наш взгляд, расширить потенциальную аудиторию посетителей святых мест за счет людей, не готовых к паломничеству, но при этом не испытывающих идиосинкразию от религии как таковой. Иногда им интересны все религии сразу, как в случае с упомянутым ученым-религиоведом, – назовем этот интерес «общенаучным» или «общекультурным» [2: 84].

Сегодня представители различных научных школ ведут серьезную дискуссию по поводу того, насколько вообще уместно объединение понятий «религиозный туризм» и «религиозное паломничество» в единый термин, относящийся к сфере туристического бизнеса. Многие из них, претендуя на «внеконфессиональную объективность», на деле оказываются в зависимости от конфессионально ориентированных идеологов. В частности, наблюдается зависимость позиции немецких авторов от конфессиональной модели Лютеранской церкви, отстаивающей исключительное употребление термина «туризм» для обозначения любой деятельности, связанной с путешествиями (в том числе, путешествий по святым местам с религиозными целями). Абсолютизация «привязки» паломничества исключительно к православному вероисповеданию, утверждение «закрытости» этой темы для представителей иных конфессий христианства и иных религиозных деноминаций некорректны.

По мысли Н.Г. Бондаренко, собственно религиозный смысл паломничества как поклонения святыням оказался в наше время серьезно «размыт» и почти вытеснен «туристическими интерпретациями» путешествия к святыням с культурно-познавательными и эстетическими целями. Однако, по ее мнению, необходимо поддержание религиозного паломничества в его специфическом виде, где главное – «прикосновение» к святому месту, участие в религиозном ритуале, практике поклонения святыням и т.д. [3: 72]. При этом «собственный смысл» паломничества как религиозного поклонения святыням невыводим ни из культового поклонения как такового, ни из наличия религиозной организации

или религиозной коммуникации по поводу такого поклонения, ни из «выведения» «объекта поклонения» в сферу сверхприродного, сверхъестественного [1: 17].

Попытка найти четкую границу между двумя видами путешествий, – светским и религиозным, – требует признать, что они различаются не по целям (турист тоже может поклоняться святыням), не по способу (турист может поклоняться святыням как верующий человек; паломник в некоторых случаях – формально, «пусто») посещения святых мест, а по его сверхцелям. Причем реализация последних (очищение души, стяжание благодати, приближение к Богу и т.д.) отнюдь не исключена и для туриста. Другое дело, что собственно туристическая поездка не направлена на то, чтобы помочь человеку в подобных делах. Пространственно-временное перемещение, пусть даже с помощью современных средств передвижения, радикально изменяющих модусы восприятия окружающего мира, – не помеха духовному движению, которое и составляет собственный смысл духовных поисков паломника [10: 17].

Бесцельное с точки зрения смысложизненных вопросов «плутание» по миру, «освященное» необходимостью решать прагматические задачи (работа, зарплата – «потребности»; отдых, разрядка – «интересы» и т.д.), здесь не перечеркивается, но «дополняется» «вертикальным измерением», показывающим внутреннее движение души к тому, что бесконечно ее превосходит [5: 63]. То есть, в терминологии православной догматики, к Богу как цели духовных поисков. И, несмотря на очевидную неуловимость этой цели, она раскрывается паломнику как дар. Событие паломничества лежит, таким образом, вне «плоскости» перемещения, однако само перемещение выступает наиболее точным физическим аналогом того, что происходит в душе человека. Отметим: для православной картины мира сама его пространственно-временная воплощенность предполагает и даже требует его освоения во «внешнем» движении.

Отсюда – признаваемая представителями религиозных структур определенная ценность «туристического» отношения к святыням (главная цель которого, все же «релаксация» и «рекреация»). Это, во-первых, один из способов поддержания экономических позиций святых мест, нередко приходящих в запустение по банальной причине отсутствия средств на их поддержание в должном виде; и, во-вторых, постепенное включение туристов в число тех, кто осознает собственно религиозный потенциал посещения таких мест, своего рода «религиозное пробуждение». При этом особую теоретическую ценность имеет рассмотрение

Е.Н. Гончаровой исторических корней религиозного паломничества в православной культуре России. Здесь она опирается на специфический жанр древнерусских «Хождений», продолживших традиции римских и византийских «путеводителей» по святым местам («итинерарии» и «проскинитарии») и сыгравших заметную роль не только в развитии древнерусской книжности, но и в развитии всей русской культуры в целом [4: 107]. Определенный элемент «космополитизма», свойственный русской цивилизационной модели, рассмотрен в данном случае на конкретном историческом и теоретическом материале, выражающем интенции имперско-христианского сознания Руси как продолжательницы дела Рима и Константинополя, наследницы Византии. Стоит отметить также сбалансированный подход данного автора к политическим реалиям конкретных исторических эпох, учет им дипломатических, военных и разведывательных функций православного паломничества, его комплексное взаимодействие с политическими системами «принимающей стороны» (например, Османской Порты) [8: 75].

В свою очередь, понятие «светское «паломничество»», распространившееся в последнее время (особенно в интеллигентской и молодежной среде) восстанавливает в культуре уже упоминавшийся культ почитания героев и их могил («идолов» массовой культуры, исторических личностей и т.д., лично почитаемых тем или иным «паломником»).

Нельзя не согласиться с М.В. Силантьевой, взявшей слово «паломничество» в этом случае в кавычки: оно используется скорее как метафора, означающая особое отношение человека к объекту, полагаемому целью своеобразного парарелигиозного поклонения [9: 89]. Его «недо-» религиозность, однако, обманчива: массовое распространение НРД сегодня демонстрирует отнюдь не декоративный характер таких «героизированных идолов», заявляющих о наличии в массовом сознании явного «среза» религиозных установок, направленных на сакрализацию таких идолов по типу языческих персонификаций тех или иных сил («красоты», «физической силы и мужества» и т.д.).

Разведение понятий «религиозный ритуал» и «светский ритуал» – занятие, имеющее в отечественной науке XX века свою почтенную историю. От атеистического отрицания смысла религиозных ритуалов в середине 1980-ых гг. россияне сегодня массово возвратили к признанию их ценности. Однако это не помешало организаторам социальной среды продолжить поиски «светских эквивалентов» «старых» религиозных обрядов (таких, как свадьба, крестины, похороны и т.д.). Интересно, что выдумка и мастерство «креативщиков», берущих с клиентов немалые деньги за реализацию своих разработок, нередко приводят их к хорошо

знакомым схемам, буквально изоморфным языческим обрядам.

Псевдонаучный подход, характерный для такого рода «исторических» изысканий, не должен затемнять того факта, что научные – в том числе, религиоведческие и культурологические – исследования соотношения светской и религиозной обрядности на сегодня не прекратились [7: 97]. Современная научная и популярная литература озабочена также разработкой новых подходов к определению исторического памятника. К нему в равной мере относят святыню той или иной религии, оригинальное кафе, – особенно если там побывала какая-нибудь знаменитость, или курортное место, известное как приют общественно значимой личности [6: 94].

В результате вышесказанного вряд ли стоит резко противопоставлять исторические памятники и религиозные святыни, – данные понятия пересекаются. С другой стороны, было бы неверно и полное отождествление одного с другим: исторический памятник не обязательно является предметом культового почитания, тогда как религиозная святыня без этого теряет свою специфику. Пересекаются (именно пересекаются, а не находятся в отношении субординации) и понятия «паломничество» и «религиозный туризм». Рассмотрение их как находящихся в отношении контрадикторности необоснованно сужает объем и расширяет содержание одного («турист») – и не менее необоснованно расширяет объем и обедняет содержание другого («православный паломник»). Тем самым, отправляющемуся в паломничество придается некая уверенность в гарантированном успехе предпринимаемого им путешествия.

### ***Библиографический список***

1. Бондаренко Н.Г. Социальное и экзистенциальное в историческом бытии // European Social Science Journal. 2013. № 11-2 (38). С. 16-21.
2. Бурняшева Л.А. Традиционное и новационное в контексте социально-философского дискурса: монография. Ставрополь, 2009. 180 с.
3. Газиреева Л.Х. Мотивация и специфика духовно-нравственных ориентаций современной личности: монография. Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет, 2009. 152 с.
4. Ефимов А.В., Стоянова Г.В. Стратегия развития международного образовательного туризма: монография. Saarbrücken, 2012. 126 с.
5. Лаза В.Д. Формирование социального архетипа православия // Вестник ПГЛУ. 2011. № 1. С. 388-390.
6. Полякова И.П., Линченко А.А. Кризис исторического сознания и его влияние на систему повседневной жизни общества // Вести высших учебных заведений Черноземья. 2010. № 4. С. 93-98.
7. Сергодеева Е.А., Бурняшева Л.А., Гончарова Е.Н., Кольчугина Т.А. Туризм в системе межкультурных коммуникаций: глобальный и региональный аспект. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 245 с.

8. Силантьева М.В. Аксиолого-этические аспекты межкультурной коммуникации в условиях глобализации // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М., 2010. С. 74-79.
9. Сущенко Е.Н. Социокультурный потенциал сферы туризма // Научная мысль Кавказа. 2006. № 8. С. 89.
10. Сущенко Е.Н. Туризм как сфера реализации досуговых ценностей в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2006. 21 с.